

Ш 697

ИСТОРИЯ

ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

ПРОВЕРЕНО

И

ДЕВЯТНАДЦАТАГО

ДО ПАДЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРІИ

СЪ ОСОБЕННО ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ ХОДА ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. К. ШЛОССЕРА

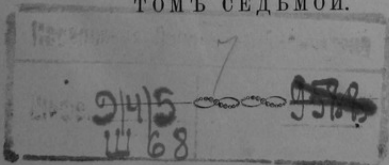
ПРОФЕССОРА ИСТОРИИ ПРИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Переводъ съ четвертаго изданія
(съ исправленіями по пятому изданію).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

инв. № 505

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА

1869.

ОПРОВЕРЖЕНО 1938 г.

№ 2307

~~877~~

2/1/С
88

Типография А. М. Котомина, Вознесен. пр., д. № 23 п 81.

Содержатель Типографии жительство иметь Коломенской части, 1-го участка, по
Фонтанкѣ, домъ № 131, кв. № 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ СЕДЬМАГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ПЕРІОДЪ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ И ПЕРВЫЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДО ПОХОДА НАПОЛЕОНА ВЪ РОССІЮ.

ГЛАВА I.

ДО ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА.

	Стр.
§ 1. Революція въ Нѣмецкой и Французской литературѣ.	
А. Нѣмецкая литература. — Общее введеніе	1
1. Первые труды Шиллера	3
2. Гёте въ соединеніи съ Шиллеромъ	11
3. Нѣкоторые современники Гёте	13
4. Фихте и Шеллингъ какъ основатели совершенно новой фило- софii и возстановители серьёзныхъ стремленій въ ослабѣвшей Нѣмецкой литературѣ	17
5. Дѣйствіе новой трансцендентальной филозофii на Нѣмецкую литературу	28
6. Фридрихъ и Августъ-Вильгельмъ Шлегели и ихъ журналы	34
7. Замѣчанія о литературномъ движеніи, произведенномъ въ на- чалѣ XIX столѣтія въ Германіи Шлегелями, идеальной фи- лософіею и романтизмомъ	46
8. Клингертъ какъ беллетристъ-прозаикъ	54
В. Французская литература. — а) Общій взглядъ на паденіе декла- маторско-реторической Французской литературы и на появленіе новой, съ тенденціею къ германизму и эллинизму	68
б) Литература времени имперіи, въ особенности ея отношенія къ возникновенію романтизма, процвѣтавшаго при рестав- раціи	86

§ 2. Европа до Тильзитскаго мира.	Стр.
А. Политическія отношенія континентальныхъ державъ до Іенской битвы.	114
В. Военныя событія до января 1807 года	135
С. Исторія военныхъ событій до Тильзитскаго мира	166
Д. Тильзитскій миръ	179

ГЛАВА II.

СЪ ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА ДО ШЕНБРУНСКАГО МИРА.

§ 1. Съ Тильзитскаго мира до войны съ Австріею въ 1809 году.	
А. Швеція, Данія и Турція. 1. Швеція до низложенія Густава IV. 2. Данія. — Разбойническое нападеніе Англичанъ на Копенгагенъ.	189 202
3. Турецкія событія	208
В. Франція, Германія, Италія. — 1. Александръ и Наполеонъ. Самодержавіе и каролинговскіе замыслы Наполеона. Германія и Италія, обращаема въ Французскія провинціи	222
С. Пруссія и Россія.	254
Д. Испанія и Португалія до мая 1809 года.	271
§ 2. Отъ Австрійской войны 1809 г. до похода въ Россію въ 1812 году.	
А. Германія до сраженія при Аспернѣ. — 1. Политическія и дипломатическія интриги 1809 года.	312
2. Военныя дѣла до битвы при Аспернѣ	336
В. Германія и Франція до Шёнбрунскаго мира. — 1. Военныя сцены въ Тиролѣ, Германіи и Польшѣ	350
С. Конецъ войны. Вальхеренская экспедиція. Тироль. — 1. Конецъ войны	370
2. Вальхеренская экспедиція Англичанъ	382
3. Шёнбрунскій миръ и конецъ Тирольской войны	393

Исправить: Стр. 208, вм. § 3 должно быть: 3.
Стр. 336, вм. § 2 > > 2.

ПРЕДИСЛОВІЕ РУССКАГО (2-го) ИЗДАНІЯ.

Въ слѣдующемъ далѣе предисловіи автора читатель увидить, что при 5-мъ изданіи своей Исторіи Шлоссеръ сдѣлалъ въ VII-мъ томѣ значительныя перемѣны, и главнымъ образомъ написалъ вновь первые листы, гдѣ рѣчь идетъ о Нѣмецкой литературѣ (въ нашемъ изд., стр. 1—33). Въ настоящемъ изданіи мы вообще сличали текстъ русскаго перевода съ 5-мъ изданіемъ подлинника, — послѣднимъ, надъ которымъ Шлоссеръ работалъ въ послѣдніе годы своей жизни, — и въ этомъ случаѣ также нашли нужнымъ замѣнить прежній текстъ новымъ изложеніемъ автора. Читатель, который захотѣлъ бы сличить эти первые листы VII-го тома съ тѣмъ, что было въ первомъ русскомъ (4-мъ нѣмецкомъ) изданіи, найдетъ здѣсь небезынтересную перемѣну во взглядѣ автора: его сужденія становятся строже, простираясь здѣсь и на то, къ чему прежде авторъ относился болѣе благосклонно, безъ сомнѣнія по впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ молодости, принадлежавшей этимъ временамъ. Его сурово нравственный взглядъ на вещи высказался и въ послѣднихъ словахъ предисловія, гдѣ выражаются его высокія требованія отъ литературы, достоинство которой должно возвышать ее надъ обыкновенной мелочностью и ограниченностью жизни. Разсудительный читатель найдетъ въ этихъ словахъ конечно больше серьезнаго смысла, чѣмъ могутъ найти иные судьи, полагающіе, что могутъ на счетъ Шлоссера хвалиться своимъ передовымъ образомъ мыслей (какъ это уже случилось, по поводу настоящаго изданія). Шлоссеръ, — какъ ни исключительно вообще его положеніе въ исторической литера-

турѣ,—былъ конечно писатель извѣстнаго періода, но мы глубоко раздѣляемъ убѣжденіе, что въ своемъ капитальномъ трудѣ, „Исторіи Восемнадцатаго Столѣтія“, Шлоссеръ сохраняетъ все свое великое воспитательное значеніе въ особенности для нашей младенческой литературы, столь бѣдной историческими книгами вообще, и въ особенности книгами, продиктованными такимъ строгимъ чувствомъ „истины, справедливости и добродѣтели“. Это убѣжденіе и руководило тѣмъ писателемъ, трудами котораго сдѣлано было первое изданіе русскаго перевода „Исторіи Восемнадцатаго Столѣтія“.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ VII-МУ ТОМУ (ВЪ ПЯТОМЪ ИЗДАНІИ).

Авторъ полагаетъ, что въ этомъ новомъ изданіи долженъ предпослать VII-му и VIII-му тому „Исторіи Восемнадцатаго Столѣтія“ нѣсколько словъ въ видѣ предисловія, потому что выходъ ихъ слишкомъ долго замедлился. Сначала онъ было рѣшился, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, прекратить свою работу надъ этимъ сочиненіемъ съ окончаніемъ VI-го тома, и полагалъ, что можетъ это сдѣлать тѣмъ больше, что могъ положиться на работу своихъ друзей *Гейссера* и *Гервинуса*, которые начали тамъ, гдѣ онъ остановился. Но такъ какъ издатель напомнилъ автору объ его обѣщаніи докончить изданіе, и во всякомъ случаѣ продолжить сочиненіе еще на нѣсколько лѣтъ дальше, то онъ снова сталъ думать о прерванной работѣ. Но прежде чѣмъ онъ могъ приняться за дѣло, онъ такъ серьезно заболѣлъ, что нѣсколько времени не въ состояніи былъ покинуть постели, и впоследствии еще не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для умственного напряженія, пока провидѣніе вновь укрѣпило его на столько, что работа стала для него потребностью. Но и тогда онъ не могъ работать безъ перерывовъ, потому что сумрачные дни зимняго времени часто дѣлали для него тягостнымъ усиліе глазъ. Тѣмъ не менѣе дѣло близилось къ концу, потому что онъ увидѣлъ, что въ большей части седьмаго тома нужны были только небольшія исправленія; но онъ предоставляетъ себѣ сдѣлать дальнѣйшія перемѣны въ восьмомъ томѣ, гдѣ онъ находитъ нужнымъ иное исправить. Что касается до седьмаго тома, то онъ хочетъ указать читателямъ, которыхъ быть можетъ интересуетъ сравненіе съ прежними изданіями, что первые листы здѣсь совершенно переѣланы, и что въ послѣднихъ отдѣлахъ этого тома частію введены буквально отрывки записокъ, сообщенныхъ ему министромъ ф.-Шёномъ въ 1848 г. и до сихъ поръ остающихся только въ рукописи. Въ восьмомъ томѣ, изъ этихъ записокъ въ соотвѣтствующ-

щемъ мѣстѣ будутъ приведены еще два отрывка, а въ седьмомъ томѣ, чтобы не размножать слишкомъ примѣчанія, помѣщенъ только одинъ отрывокъ.

Въ восьмомъ томѣ будетъ исправлена и та ошибка, что на Парижскомъ соборѣ присутствовалъ епископъ Мюнстерскій; потому что одинъ господинъ изъ Мюнстера положительно писалъ автору, что на соборѣ присутствовалъ не епископъ, а его братъ. Затѣмъ, небольшія исправленія, сдѣланныя авторомъ, касаются главнымъ образомъ стиля и пунктуации, чтобы увеличить понятность и легкость книги для чтенія, о чемъ онъ главнымъ образомъ заботился. Правда, нѣкоторые замѣчали ему, что онъ не показываетъ довольно энтузіазма къ германству (Deutschheit) и нѣмецкимъ героямъ. Но перемѣнить это авторъ не разсудилъ за благо, потому что этого энтузіазма онъ никогда не чувствовалъ и не хотѣлъ говорить рѣшительно ничего, ни въ жизни, ни въ сочиненіяхъ, что не происходитъ изъ его характера и его глубочайшаго убѣжденія. На устрашающемъ примѣрѣ знаменитаго Йоганна ф.-Мюллера онъ видитъ, какъ опасно бываетъ желать быть великимъ человѣкомъ и блестящимъ писателемъ, когда человѣкъ не рожденъ великимъ человѣкомъ, и когда онъ хотѣлъ хвастливо выставить народу аффектацію и разукрашенный стиль или подражаніе древнимъ, какъ Йоганнъ ф.-Мюллеръ и Фридрихъ-Гейнрихъ Якоби. Правда, какъ авторъ все болѣе и болѣе ясно это видитъ на 83-мъ году, послѣ шестидесятилѣтняго изученія, истина не всегда достижима, если рѣчь идетъ объ истинѣ объективной; но конечно всякому доступна субъективная истина, т. е. избѣжаніе всего того, что не одушевляетъ вполне самого писателя, а можетъ служить только для публики, съ потребностью или предразсудками которой онъ соображается. Въ этомъ-то отношеніи именно и важно чрезвычайно изученіе древнихъ, теперь такъ пренебрегаемое,—потому что древніе не имѣли въ виду ни рецензентовъ, ни студентовъ, ни женщинъ, ни читателей журналовъ. Вотъ что авторъ считаетъ нужнымъ предпослать здѣсь не для большой публики, а для тѣхъ немногихъ, у кого искренно близки сердцу истина и справедливость, и добродѣтель.

Гейсслеръ, въ іюнѣ 1859 г.

Ф. К. Шлоссеръ.

ШЕСТОЙ ПЕРІОДЪ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

и

ПЕРВЫЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДО ПОХОДА НАПОЛЕОНА ВЪ РОССІЮ.

ГЛАВА I.

ДО ТИЛЬЗИТСКАГО МИРА.

§ 1.

Революція въ Нѣмецкой и Французской литературѣ.

А. нѣмецкая литература.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

Мы разсказывали въ четвертомъ томѣ, какимъ образомъ Нѣмецкая литература въ послѣднія тридцать лѣтъ восемнадцатаго вѣка испытала полное преобразованіе, которое произведено было отчасти появленіемъ Гёте, отчасти быстрымъ распространеніемъ Кантовой философіи. Готтгольдъ Эфраимъ Лессингъ пошелъ по слѣдамъ Лютера, и снова возвратилъ Нѣмецкому языку его силу, а литературѣ, совершенно офранцузенной, Шлоссеръ. Т. VII.

ея Нѣмецкій характеръ. То, что начато было имъ, старались потомъ довершить Гёте и Шиллеръ, но до своего тѣснаго соединенія встрѣчали большія трудности въ достиженіи этой задачи. Съ 1789 года Шиллеръ жилъ уже въ Іенѣ, но Гёте присоединился къ нему только въ 1794 г. и помогъ ему приобрести то значеніе, какое нужно въ Германіи писателю, который хочетъ дѣйствовать на большую публику.

Передъ 1787 г. вмѣстѣ съ религіей и философіей и вся Нѣмецкая литература совершенно опомѣли, Коцебу и его товарищи господствовали на сценѣ. Въ филологіи и объясненіи классиковъ Гейне и его ученики—какъ впрочемъ ни велики заслуги самого Гейне въ наукѣ древности—ввели и распространили въ школахъ методу, которая привела бы къ мелочности, если бы противъ Геттингенской школы не выступили Ф. А. Вольфъ и его школа. Шиллеръ не такъ увѣренно выступилъ реформаторомъ вкуса, какъ Гёте, который никогда не впадалъ въ тонъ какаго нибудь Иффланда и подобныхъ сентиментальныхъ писателей. Онъ всегда оставался простъ и сдержанъ. Каковъ былъ тонъ и вкусъ столько восхваляемаго знатнаго общества въ Веймарѣ и Готѣ еще въ девятомъ десятилѣтіи восемнадцатаго вѣка, это можно видѣть изъ переписки Гёте и Шиллера, и еще легче изъ одной, собственно говоря дрянной книги. Мы разумѣемъ ту книгу, которую издалъ Бёттигеръ подъ заглавіемъ: «Литературныя дѣла и современники» (*Literarische Zustände und Zeitgenossen*). Тамъ онъ приводитъ между прочимъ сужденіе Гёте объ Иффландѣ, которое характеризуетъ въ одно время и публику и пьесы Иффланда. Иффландъ, говоритъ Бёттигеръ, по словамъ Гёте имѣетъ два главные недостатка: во-первыхъ, нравственное развитіе у него всегда развивается извнѣ, а не вырабатывается изнутри; отъ этого и дѣйствіе въ его пьесахъ ненатурально, натянуто, набито излишними безсвязными вставками. Коммиссаръ Вальманъ въ «Приданомъ» много лѣтъ былъ свидѣтелемъ безпорядочнаго хозяйства своего брата, но только съ поднятіемъ занавѣса этотъ горячій человекъ раздражается, поднимается крикъ и шумъ и т. д. Нѣтъ никакой достаточной причины, чтобы все это вдругъ началось, именно теперь, въ моментъ начатія пьесы. Точно также хирургъ Рихтеръ, въ «Мнимой заслугѣ» вдругъ принимается шумѣть и вводить порядокъ, между тѣмъ какъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ спокойно курилъ трубку у своего *amicus*, и вмѣстѣ съ нимъ смотрѣлъ на «мнимыя старанія» жены и дѣтей. Именно потому, что развитіе дѣйствія у него мотивируется чисто случайно, извнѣ, — Иффландъ принужденъ вводить столько постороннихъ лицъ и столкновений: потому что ими онъ хочетъ мотивировать развязку. Это касается конечно только Иффланда, но Бёттигеръ рассказываетъ намъ также,

какъ Гёте характеризовалъ въ разговорѣ публику Иффланда. Онъ очень мѣтко говоритъ у Бёттигера, что Иффландъ изобразилъ только тонъ и образованность своего времени, тонъ среднихъ классовъ Нѣмецкаго народа, образованныхъ пошлыми романами и пьесами. Гёте сказалъ, по словамъ Бёттигера, что Иффландъ вездѣ противопоставляетъ натуру образованности. Образованность у Иффланда вѣчно служитъ источникомъ всякой нравственной испорченности. Чтобы исправиться, его герои постоянно возвращаются къ состоянію натуральности, напримѣръ, старый холостякъ отправляется въ свои помѣстья и женится на крестьянской дѣвушкѣ. Поносить такимъ образомъ всякую образованность, значить становиться на совершенно ложную точку зрѣнія. Сценическому писателю, напротивъ, слѣдовало бы показывать, какъ образованность можетъ очищаться отъ всякаго искаженія, облагораживаться и дѣлаться прекрасною. Идиллическія сцены, которыя такъ нравятся въ пьесахъ Иффланда и Коцебу, составляютъ сладкую, но тѣмъ болѣе опасную для толпы мечту. Гёте прибавляетъ тутъ слова, коротко и вѣрно характеризующія знатное общество и его вліяніе на образованность и литературу. По словамъ Бёттигера, Гёте говоритъ: «Иффландъ не виноватъ въ томъ, что дурно понялъ вліяніе образованности и невѣрно изобразилъ просвѣщенныхъ людей. Его наблюденія вѣрны, его копіи сходны съ подлинниками, и эти подлинники, съ которыхъ онъ писалъ, и виноваты въ томъ, что его пьесы плохи. Иффландъ копировалъ общество, какое имѣлъ случай видѣть въ Маннгеймѣ при дворѣ Карла-Теодора. Образованность этого общества была каррикатурой на истинное просвѣщеніе, искусство и науку. Это была образованность дворовъ, ихъ кліентовъ и любимцевъ; это было тепличное растеніе, оторванное отъ своихъ корней. Отошедши отъ этихъ модныхъ куколъ, въ кругу которыхъ жилъ, онъ изобразилъ бы намъ совершенно другіе характеры, развилъ бы въ своихъ пьесахъ совершенно нныя идеи».

1.

Первые труды Шиллера.

Мы можемъ здѣсь только мимоходомъ упомянуть исторію двухъ творцовъ новой Нѣмецкой поэтической литературы и языка, — эту исторію, которая въ наше время была такъ часто излагаема и объясняема, нерѣдко вкривъ и въкось; но мы должны однако же коснуться нѣсколькихъ главныхъ пунктовъ для хронологическаго опредѣленія хода образованности. Прежде всего замѣтимъ, что революція, которую Шиллеръ и Гёте производили изъ Веймара въ поэтическую литературу, шла одно-

временно съ революціей въ философіи, виновниками которой были Кантъ и Фихте, и съ реформой во всемъ высшемъ школьномъ преподаваніи и въ объясненіи древнихъ, которую произвелъ Ф. А. Вольфъ. Гейне основалъ въ Гёттингенѣ школу толкователей древности и, въ духъ Винкельманна, ввелъ въ кругъ образованія юношества вмѣстѣ съ литературой древнихъ и древнее искусство; но школа его выродилась, и вмѣсто грамматическаго объясненія стало господствовать эстетическое и безсильное. Это зло исправилъ Вольфъ, профессоръ въ Галле. Въ одно время съ новымъ, болѣе основательнымъ, объясненіемъ древнихъ, Гюфеландъ и Шюце основали «Всеобщую Іенскую Литературную Газету», которую Шюце употребилъ потомъ для всеобщаго распространенія новой философіи, которую возвѣщали сначала Рейнгольдъ, а потомъ и Шиллеръ въ Виландовомъ «Меркуріи». Шиллеру конечно не могли особенно нравиться метафизическія умствованія людей, какъ Фихте и Шеллингъ, но за то ему очень понравились эстетическія теоріи, которыя выставилъ Кантъ въ «Kritik der Urtheilskraft»; и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, который въ предпоследнее десятилѣтіе прошлаго вѣка жилъ въ Іенѣ, раздѣляя его взгляды, что очень способствовало ихъ распространенію.

Шиллеръ по природѣ былъ конечно вовсе не философъ; иначе онъ не могъ бы утверждать, вмѣстѣ съ Дидро, что театральныя пьесы должны быть писаны въ прозѣ, на томъ основаніи, что Дидро, творецъ слезливой комедіи (*comédie larmoyante*) справедливо думаетъ, что драма вполне принадлежитъ обыкновенной жизни, а потому должна и писаться на языкѣ этой жизни. Поэтому «Разбойники» Шиллера и двѣ послѣдовавшія за ними пьесы написаны прозой, но впоследствии онъ созналъ свою ошибку и сталъ писать стихами; манера, въ которой написаны его «Разбойники» и «Коварство и Любовь», сначала подала современникамъ поводъ причислить и его къ «бурнымъ геніямъ» (*Kraftgenies*) того періода Нѣмецкой литературы, который называется періодомъ «бурныхъ стремленій» (*Sturm und Drangperiode*). Правда, дикость и буршеская необузданность «Разбойниковъ», появившихся въ 1781 году, произвели большое впечатлѣніе, но тотчасъ признано было, что въ Германіи явился наконецъ истинный драматическій геній, когда Шиллеръ съ самаго начала заговорилъ совершенно инымъ тономъ чѣмъ Гёте. Довольно причудливые «Разбойники» при большихъ достоинствахъ имѣли и большіе недостатки, которые едва ли бы простили ученику. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо взглянуть на первое изданіе «Разбойниковъ», вышедшее въ 1781 г. въ Маннгеймѣ. Предисловіе, написанное неправильно и вялымъ слогомъ, показываетъ кромѣ того, что поэтъ не

овладѣлъ ни языкомъ, ни разговоромъ образованныхъ классовъ. Здѣсь говорилось конечно, что онъ пишетъ въ манерѣ Шекспира, но Шекспиръ получилъ хорошее школьное образованіе и въ его время господствовали Итальянскіе и Испанскіе образцы, чего не было во времена Шиллера. Первые пьесы Шиллера произвели тогда тѣмъ больше впечатлѣнія, что у всѣхъ въ рукахъ были пьесы Лессинга, которыя, правда, не отличаются драматическимъ одушевленіемъ (самъ Лессингъ никогда и не хвѣлился имъ), но отличаются мастерскимъ языкомъ. Что касается Шиллера, то даже человѣкъ какъ Плюмке осмѣливался передѣлывать его мастерское произведеніе («Разбойниковъ») на свой ладъ для Берлинской сцены. Тогда въ Германіи поняли, что надо поощрить молодого человѣка, который повидимому хотѣлъ дѣйствовать на образованіе рядомъ съ Гёте, хотя и другимъ путемъ, и приладить литературу къ господствующему вкусу. Этотъ вкусъ былъ двойной, онъ покровительствовалъ отчасти ложной сентиментальности, наосу и напыщенности Пффланда, Юнгера и другихъ, отчасти гипер-геніальности такъ называемыхъ «бурныхъ геніевъ», между которыми первые мѣста занимали тогда Клинггеръ и Ленцъ. Если Шиллеръ, какъ драматическій писатель былъ съ самаго начала принятъ хорошо, этому могли содѣйствовать потребности сцены; но тогда вялую часть публики расталкивалъ и Клинггеръ.

Шиллеръ не оставался упорно на своей гипер-геніальной дорогѣ, хотя потомъ воротился на минуту къ манерѣ «бурныхъ геніевъ». Прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ написалъ «Заговоръ Фіэско въ Генуѣ» мягче, умѣреннѣе и правильнѣе, такъ что манеру и судьбу этой пьесы мы сравнили бы съ «Эгмонтомъ» Гёте. Для нашей цѣли—слѣдить шагъ за шагомъ исторію Шиллерова времени, эта пьеса не имѣетъ никакого значенія. За то тѣмъ больше значенія для гражданскихъ отношеній имѣетъ третья его пьеса, написанная въ прозѣ. Это—«Коварство и Любовь». Эта пьеса, вполне направленная противъ наглаго высокомерія Нѣмецкаго дворянства, революціонна въ томъ же смыслѣ, какъ во Франціи были революціонны Свадьба Фигаро и Карлъ IX; разница только въ томъ, что во Франціи критика направлялась противъ монархіи, а въ Германіи противъ аристократіи. Мы удивляемся теперь тому, какъ рѣзко высказывается Шиллеръ противъ привилегированныхъ сословій и какимъ образомъ онъ могъ представить публикѣ на сценѣ такія вещи, одно упоминаніе которыхъ въ наше аристократическое время было бы наказано смирительнымъ домомъ. Это касается въ особенности общественныхъ отношеній дворянства и высшаго чиновничества къ горожанамъ и крестьянамъ, потому что люди, принадлежащіе къ обоимъ

последнимъ классамъ, надѣляются въ «Коварствѣ и Любви» величайшимъ презрѣніемъ. Притомъ Шиллеръ пишетъ очень рѣзкимъ языкомъ и употребляетъ яркія краски,—Гёте напротивъ остается вѣренъ разговорному тону и если порицаетъ недостатки дворянскаго міра, который изображаетъ, то никогда не порицаетъ шумливымъ тономъ. Въ пьесѣ «Коварство и Любовь» Шиллеръ очень ярко и рѣзко выставляетъ контрастъ отношеній тогдашняго и нынѣшняго времени. То, что Шиллеръ представляетъ здѣсь съ серьезной стороны, съ шутиливой стороны изображается въ странной идилии кавалера и придворнаго поэта фонъ-Тюммеля. Все, что Шиллеръ бранитъ и презираетъ, Тюммель въ своей «Вильгельминѣ» находитъ совершенно естественнымъ и сообразнымъ съ общественнымъ положеніемъ горожанъ и дворянства. «Вильгельмина», какъ продолженіе ничтожнаго романа «Себальдъ Нотанкеръ», заключающаго въ себѣ идеи Берлинскаго книгопродавца Николаи о религіи и государствѣ, осмѣиваетъ сословіе бюргерства, которое Шиллеръ беретъ подъ свою защиту. Смиренный пасторъ, низко кланяющійся «милостивому господину», играетъ главную роль, и изъ рукъ милостиваго господина-патрона получаетъ приходъ, и, по тогдашнему обычаю, отъ него же получаетъ и жену, которая прежде имѣла свои занятія въ домѣ господина-патрона, хотя эти занятія яснымъ образомъ и не опредѣляются. Свадьба описывается подробно, и съ похвалами высокому дворянству, его нарядамъ, его изящнымъ разговорамъ и ливреямъ, экипажамъ и поварамъ. Поселяне глазѣютъ, удивляются и кланяются. Даже дворянская любовь совѣмъ не похожа на бюргерскіе браки. То, что у Фосса описывается идилически съ утомительной подробностью, у Тюммеля изображается какъ низкая жизнь. Шиллеръ по Вюртембергскому опыту понимаетъ дѣло революціоннымъ образомъ и рѣзко выставляетъ испорченность нѣмецкихъ общественныхъ отношеній; отношенія бюргеровъ къ дворянству, чиновничеству и богатому классу представляются у него точно какъ у Бомарше. Можно было бы подумать, что Шиллеръ держался демократическихъ воззрѣній, но онъ былъ также мало демократомъ, какъ Гёте, хотя его пьеса безспорно подѣйствовала въ Германіи въ смыслѣ Французской революціи.

Шиллеръ считалъ, что главная его сила въ философіи, но такъ какъ у него не было никакой системы и онъ, подобно Гёте, не хотѣлъ припоровляться ко всякой новой школьной системѣ, или не въ состояніи былъ доставить систематикамъ протекцію, то его прозаическія статьи по эстетикѣ читались мало. Въ это время съ энергическимъ выступленіемъ Фихте взгляды скоро перемѣнились, и образовалась новая трансцендентальная философія. Эта философія, правда, положила конецъ той

пошлости, которая господствовала на кафедрѣ Федеря и Эбергарда, но была все больше и больше непонятна всѣмъ тѣмъ, кто не удивлялся съ слѣпой вѣрой оракуламъ вѣка. Вслѣдствіе того Фихте подѣ конецъ нашелъ полезнымъ возвратиться къ извѣстной риторической декламаци, чтобы приблизиться къ большой публикѣ черезъ ученіе о блаженной жизни. Между тѣмъ его скоро перегналъ Шеллингъ, но по мѣрѣ того, какъ Фихте старался быть популярнѣе, Шеллингъ становился непонятнѣе, и наконецъ, несмотря на свои замѣчательныя дарованія, таланты и ученость, какъ извѣстно, упалъ, когда Паулусъ, теологъ и издатель Спинозы, подвергнувъ строгой критикѣ его лекціи, возбуждавшія удивленіе въ Берлинѣ.

Въ то время какъ ученые, исключая развѣ Вильгельма Гумбольдта, мало обращали вниманія на философско-эстетическія статьи Шиллера, печатавшіяся въ Виландовомъ «Меркуріѣ» или въ «Талиѣ», онъ воодушевлялъ всю Нѣмецкую молодежь своими стихотвореніями, появившимися въ его «Альманахѣ Музъ», и увлекалъ ее къ философіи сердца, которая хотя и никогда не можетъ, или не могла, сдѣлаться ученіемъ школы, но зато сдѣлалась національной философіей. Ее невозможно было вытѣснить изъ Нѣмецкихъ сердецъ, и она всегда будетъ воодушевлять Нѣмецкое юношество и привлекать его къ Шиллеру. Мы знаемъ по собственному опыту, — такъ какъ наша молодость приходится къ этому времени, — какъ могущественно лирическія стихотворенія Шиллера возбуждали насъ къ изученію Платона и Аристотеля. Изъ его лирическихъ стихотвореній мы назовемъ въ этомъ отношеніи съ одной стороны «Resignation», «Боги Греціи», а съ другой «Художникъ». При этомъ мы конечно не можемъ отвергать, что и изъ самыхъ этихъ стихотвореній видно, что онѣ были больше продуктомъ поэтизирующаго ума, чѣмъ непосредственнымъ изліаніемъ минутнаго воодушевленія. Это будетъ въ особенности ясно, если внимательно разсмотрѣть различныя изданія этихъ стихотвореній и перемѣны, сдѣланныя въ нихъ поэтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ немногихъ приводимыхъ ниже стиховъ можно видѣть, что главная цѣль всякой философіи, возвышать общество отъ низкаго и обыкновеннаго къ идеалу, скорѣе достигалась поэзіей Шиллера, чѣмъ поэзіей Гёте, и что поэзія Шиллера была дидактическою въ истинномъ смыслѣ слова (1). Относительно драматической поэзіи Шиллера, намъ кажется

(1) Первая строфа кончается стихами, рѣзко опредѣляющими разницу между блаженствомъ божественнаго существа и счастьемъ, которое доступно человѣку, при ограниченности его природы:

Zwischen Sinnenglück und Seelenfrieden
Bleibt dem Menschen nur die bange Wahl;